
Глава 1

Крапива был убит единственным выстрелом. Пуля угодила между глаз, раздробила переносицу и вышла у основания черепа. Тело повалилось на дверцу «Мерседеса», измазав стекло кровью, выпало на тротуар.

Многие годы Крапива отличался предельной осторожностью — не оставался на открытом пространстве более минуты, от офиса до дома добирался, как правило, разными маршрутами и никогда не делал остановок по пути. Человек решительный и рискованный, он последнее время был особенно удачлив, а это вызывает определенную усталость. Расслабился, одним словом. Остановился пачку сигарет купить, и привет!..

Один из крупнейших авторитетов, Крапива контролировал северо-западный район Москвы. Дороги на Санкт-Петербург и Прибалтику, гостиницы и бензоколонки были обложены данью, пополнявшей его ежедневный бюджет десятками тысяч долларов.

Среди братвы ходил слухок, будто он купил себе израильское гражданство, а в Европе у него три фабрики по переработке кожи. Говорить говорили, но спросить у Крапивы в лоб, так ли это, желающих не находилось.

Осиротев, Северо-Запад столицы стал заметно сдавать позиции измайловским — те в открытую заявляли, что отныне имеют право на долю в гостиничных комплексах. Измайловская братва трижды назначала северо-западным «стрелку», где грозились отправить несговорчивых вслед за Крапивой.

И хотя северо-западные пока еще держали в своих руках наиболее прибыльные рынки, гостиницы, автосервисы, тем не менее ни у кого не возникало сомнений в том, что расправа с Крапивой поставила в этом противостоянии точку.

Андрей Васильчиков получил кличку за свой характер. Точь-в-точь крапива... Обжигал и правого, и виноватого. Острый на язык, он сумел нажить уйму недоброжелателей. В воровском мире восприняли его смерть как естественное завершение жизни авторитета — слишком многим последние годы он наступал на пятки. Однако поверить в то, что никто из окружения Крапивы не унаследовал его взрывной, несговорчивый характер, было невозможно, и потому измайловские держали ухо остро. На «стрелки» они являлись со взведенными курками и не выпускали руки из карманов, готовые в подозрительный момент разрядить обоймы.

На этот раз встреча была назначена на пустыре. Инициаторами «стрелки» стали измайловские воры. Крапивинским братанам не оставалось ничего другого, как принять предложение. За четверть часа до установленного времени пустырь оказался забит под завязку — измайловские нагнали около двух сотен «пехоты», а северо-западные выставили полтораста.

На место Крапивы претендовал двадцатисемилетний вор Гиря, получивший эту кликуху за огромные кулаки. Отсидев шесть лет за разбой, он и в тюрьме зарекомендовал себя «правильным пацаном». Он поддерживал «закон» и, считаясь неконфликтным вором, старался по возможности спорные вопросы разрешать путем диалога.

Место для «стрелки» измайловские выбрали на заброшенной свалке. Если не знать, что здесь наши последний приют списанные локомотивы и грузовики, можно было подумать, будто среди разби-

тых вагонов, покореженных рельсов и битого стекла только что отгремели бои. Казалось, этот суровый ландшафт специально предназначен для жестоких разборок.

Взгромоздившись на исковерканные вагоны, измайловские кидали взгляды на груды ржавого железа и соображали, как потратить с пользой обещанный фартовый аванс.

Ровно в четыре прикатил Седой. Лидер измайловской группировки, законный стаж которого перевалил уже на второй десяток, распахнул дверцу «БМВ», выбрался из машины, что-то сказал своим бойцам и, стараясь не наступать на ошметки хламья, пошел навстречу Гире. Десять телохранителей не отставали ни на шаг.

Два авторитета встретились возле разбитого автомобильного кузова. С минуту они молча разглядывали друг друга, будто прошедшая неделя изменила каждого до неузнаваемости, а потом Гиря невесело поинтересовался:

— Хотел мне что-то сказать, Седой?

— Не буду скрывать, Гиря, ты мне симпатичен. Что есть — то есть. От авторитетных людей слышал о тебе много хорошего. Знаю, что ты из правильных, но хотелось бы кое-что прояснить. Не возражаешь?

— Давай, Седой! Я — весь внимание.

Высоченный Гиря рядом со шуплым измайловским авторитетом выглядел настоящим гигантом.

— Я тут потолковал с солнцевскими, балашихинскими, долгопрудненскими, и мы решили: будет лучше, если твоя территория полностью перейдет под мой контроль... Они меня поддерживают. Вот такой расклад! Ты остаешься в одиночестве.

Новость Гиря встретил мужественно. Его лицо по-прежнему оставалось невозмутимым. Он мол-

чал, уставившись на перевернутый кузов, словно не было сейчас более занятого зрелища, чем ржавое железо. А потом перевел взгляд на своих телохранителей и спросил:

— Слышали, братва?

— Похоже, мы не договоримся с Седым, — растянул губы в недоброй улыбке один из пацанов. — Я поражаюсь твоему терпению, Гирия. Крапиву бы сюда!

Гирия повернулся к Седому.

— Я не понял, что ты хочешь предложить нам, Седой? Распахивать перед тобой двери «БМВ», а может, держать над тобой зонтик?

— Ты действительно меня не понял, Гирия! Я предлагаю тебе стать одним из моих доверенных. Будешь делать то, что и прежде. Вот только самые крупные акции придется согласовывать лично со мной. И вот еще что. Ты не должен жадничать — обязан перечислять в общак вдвое больше прежнего.

Гирия поковырял спичкой в зубах.

— Думаешь, я соглашусь?

Теперь Седой в течение минуты не отводил взгляда от ржавых бортов грузовика.

— А у тебя нет другого выхода, — отрубил он, глядя на Гирию в упор. — Иначе я тебя... проглочу!

— Вот как... Лихо! Больше ничего не хочешь добавить?

— Нет, — бросил Седой и, повернувшись, зашагал в сторону своей «пехоты».

Гирия наблюдал за тем, как Седой, подтягивая руками брючины, перешагивал через железяки, обходил стороной кучи мусора, вертел головой направо-налево, опасаясь испачкать штиблеты.

— Седой! — окликнул его Гирия. — Говоришь, проглотишь меня? А дурно не станет?

Седой не ответил. Лишь покосился на Гирию. А тот застыл в центре пустыря, словно монумент. Под-

ставляя под колючий взгляд Гири бритые затылки, за Седым брела «пехота».

Седой не спешил. Он знал, что, как только сядет в машину и заведет двигатель, десятки стволов жахнут по северо-западным и первый, кто упадет бездыханным, будет Гирия.

Прошло минуты две, а может, три, прежде чем он устроился поудобнее в своей машине. В салоне «БМВ» было тихо и уютно. Помедлив еще самую малость, Седой повернул ключ зажигания и запустил двигатель. В ответ он услышал, как застучали «АКМ». В зеркале заднего обзора увидел, как Гирия дернулся, а потом завалился на правый бок...

Дальнейшее Седого не интересовало.

Набирая скорость, машина покидала место разборки.

Глава 2

А кружка пива «У Влаха» сейчас точно не помешает, усмехнулся про себя Варяг, надевая пиджак и покидая свой роскошный кабинет. Тем более у океана хорошо думается, а поразмыслить есть о чем.

Варяг любил уютное кафе, обустроенное предприимчивым чехом Влахом Прохазкой на скалистом берегу, метрах в двухстах от дороги, бегущей из Сан-Франциско вдоль побережья. Частенько по пути домой Варяг заезжал сюда один или со Светланой. Тихое, романтичное место, хорошая кухня, отличное чешское пиво, прекрасный вид на залив: сиди себе под скалистой стеной, дыши океанским воздухом да проветривай мозги.

Варяг отпустил охрану и последним покинул офис. На лифте он спустился прямо в гараж, отыскал среди машин свой представительский «Форд» и, как всегда перед выездом, проверил, на месте ли запас-

ные водительские права и техпаспорт, выписанные на имя некоего гражданина США Смирнова Юрия Ивановича. Береженого бог бережет! Владислав Геннадьевич Игнатов, он же Варяг, в вопросах конспирации был щепетилен, в особенности последнее время.

Сегодня был трудный день, да, впрочем, и вся неделя выдалась напряженной. Надо было развеяться, побыть одному.

Нижняя дорога вдоль океана, плавно извиваясь, быстро привела его к автостоянке, где он оставил свою машину, и по ухоженной, обсаженной декоративными кустами дорожке сбежал вниз к небольшому экзотическому кафе под вывеской «У Влаха».

Облюбованный Варягом столик на краю площадки был свободен. Немногочисленные клиенты Влаха вели задушевные беседы и не обращали никакого внимания на нового посетителя. Варяг отдыхал, наслаждаясь одиночеством и покоем. Принесли креветки и прохладное пиво — он всегда заказывал здесь «Праздрой».

С площадки открывался действительно великолепный вид. Внизу медленно накатывали на кромку берега волны. Они потягивались и изгибались, как добродушные, сытые черные пантеры. Их плавно изогнутые спины, длиной в сотни метров, обрамляла густая пена.

«И за борт ее бросает в набежавшую волну», — пришло ему на ум. Он поморщился. Черт знает что! Вспомнил ни к месту народную песню, где одна лишь бессмыслица. Подвыпивший Стенька швыряет в реку прекрасную персидскую княжну, которую братва только что изнасиловала с его собственного согласия. И из-за этого все ликуют и делают его национальным героем. Ну ладно, Стенька — мужик! Но почему «вдоль по Питерской» идет пьяная баба, которая пила только что «из полуведра»? Не из ведра, слава богу, но и она становится символом народ-

ного восхищения! Да, видать, любит выпить и хорошо отдохнуть русский народ...

Варяг чувствовал, как в нем растет раздражение.

Почему вдалбливают, что можно прекрасно жить, ничего не вкладывая и не производя? «Мы тут сидим, а денежки идут», — капала на мозги телевизионная реклама. Если раньше в совковый период экран телевизора был красен от флагов, то теперь сплошная тупость: порнуха, катастрофы, убийства. Кому-то все-таки на Руси «жуть хороша»? Кто-то заинтересован в том, чтобы население жило в страхе? Пацаны растут в атмосфере чернухи: того и гляди либо прибудут, либо сам в тюрьму загремишь за разбой. Ладно, за нанесение морального увечья проходимцам в подтяжках на ТВ придется отвечать, отстегивать на грех малолеткам, раз уж они их в зону подталкивают, а не зовут к чему-то светлому.

В зарослях, справа от Варяга, чирикнула пичуга. Ей ответила другая. Варяг залпом осушил кружку, поднялся, чтобы пройти вдоль кромки океана, своим обычным излюбленным маршрутом.

А при таком раскладе в многострадальной России во главе ведь ни разу не стоял человек, который отстаивал бы по-настоящему интересы этого крупнейшего государства. Один маньяк, другой простак, а третий — ни рыба ни мясо, и так далее. В совковые времена Россия, единственная из пятнадцати республик, не имела своего Политбюро. И это — когда всем в стране владели коммунисты. В России, значит, не было хозяина? Председатель российского правительства тогда даже не являлся членом этого самого Политбюро. Все кроилось без него, и понятно, что многие проблемы решались за счет России.

Варяг поморщился.

Самые грязные и вредные производства — химические, биологические — строились на ее территории. Могильники радиоактивных веществ и отходов

сооружались здесь же. А всякая там электроника и приборостроение у прибалтов, например. Теперь вообще черт-те что. Хотят оставить великую державу без собственных портов. Кукурузник отдал Крым. Одним росчерком пера. И ни гугу! Вот он — беспредел! Сплошная тишина. Все делалось шито-крыто. И сейчас грабят державу все кому не лень. И опять тишина. Бардак кругом потрясающий: один роет ближнему яму, другой — сразу могилу, третий закапывает и тех и других. И всем всё по херу.

Варяг вдоль берега, по тропинке, дошагал до шоссе и повернул назад к кафе.

А эта Америка? Черт бы ее побрал! Видите ли, Россия стоит с протянутой рукой... Зараза! А сама окольными путями, через всякую шантрапу получает из России всего, и столько! А эту «гуманитарную помощь», которая не сравнима ни с чем!!! Уж он-то знает! Мозги, специалисты-эмигранты, цвет нации, золотой запас: математики, биологи, физики. И не какие-нибудь профессора марксизма-ленинизма, а настоящие ученые переехали сюда. Причем сорвались с мест и маршалы от науки, и рядовые, без которых не обойтись. И скорее всего Россия их потеряла безвозвратно. Да, крупно задолжала Америка России! Но ничего, дайте срок, разберемся. Мы тут недаром корячимся, нарабатываем общак. Коммунисты да демократы сраные все разбазарили. А эти приватизаторы хреновы! Сынков и дочек своих в Гарварды да в Оксфорды поотправляли учиться. А свой собственный университет да физтех с дерьмом смешали. Бабки откуда? А воруют! Вот уж кто ворюги так ворюги... И все как на подбор. Только до декларации о доходах дело доходит, так вся Дума против голосует. В пушку, видать, рыльце!

Варяг вернулся к столику, допил вторую кружку. Хорошее пиво! И почему в России такого никак не

научатся варить? Есть о чем подумать. Ну да ладно. Пора домой. Он достал деньги, отсчитал нужную сумму и, как обычно, оставил ее на тарелке.

Через пару минут Варяг был наверху, у автостоянки.

Он сел в машину и уже повернул ключ зажигания, когда понял, что его почки исправно реагируют на пиво и до дому ему не дотянуть.

Придется обоссать Америку! Влах точно не обидится, подумал Варяг и улыбнулся. Не выключая зажигания, он выскочил из машины и помчался вниз, в кусты под скалой.

И тут за спиной раздался страшный взрыв. Варяг едва удержался на ногах. Он оглянулся.

Секунду назад его машина была «Фордом», теперь разорванная на куски бесформенная масса годилась разве что как экзотический экспонат на выставку художников-авангардистов. Зрелище было то еще.

— Ни фига себе помочился! — процедил сквозь зубы Варяг.

Было очевидно, что взрывное устройство с запозданием сработало, когда он включил зажигание...

— Вот это антракт! — закончил он мысль вслух. А потом добавил: — И да здравствует пиво «Праздрой»!

Главное, Владик, теперь без вибра. Без суеты! — приказал он себе и зашагал вниз по тропинке. Привлекать внимание полиции и журналистов не входило в планы Варяга. Машина числилась за Смирновым. Отлично! Обогнув скалу понизу, Владислав через десять минут вышел на шоссе в километре от места взрыва. Шагал он неторопливо. Наверху слышался вой сирен. А справа от него спокойно плескался океан. Варяг остановил первое попавшееся такси и всю дорогу до дома делал вид, будто читает газету, хотя сам лихорадочно обдумывал случившее-

ся. Кто-то явно выследил его. Пока он пил пиво, ему установили эту штучку и, как говорит Сивый, в натуре прикинули хер к носу. Однако кому он, бизнесмен Игнатов, встал поперек горла в этой сраной Америке? Или все же это старые дружки-приятели взяли след?

Таксисту Варяг велел остановиться в километре от своей виллы. Расплатившись, он уже через пятнадцать минут был дома. Светлане решил ничего не говорить. Зачем пугать женщину?

— Владик, как дела? — встретила она его сияющей улыбкой, одетая в легкий полупрозрачный пеньюар, под которым легко угадывались соблазнительные округлые формы.

— Как сажа бела, — буркнул он, поцеловав ее в губы. — Устал чего-то. Жарко, пойду освежусь в бассейне.

На ходу сбросив с себя одежду, Варяг, не раздумывая, нырнул в прохладную, слегка голубоватую воду и минут двадцать без остановки плавал взад-вперед, пытаясь снять напряжение. Выбившись из сил, он выбрался из бассейна, укутался в мягкий махровый халат и расположился у воды в удобном шезлонге.

Солнце уже скрылось за горизонтом. День угасал, оставляя в сумерках облака, океан и горы.

Владислав Геннадьевич погрузился в раздумья. То, что случилось сегодня, не было неожиданностью.

Глава 3

Второй месяц Варяга не покидало дурное предчувствие. Вечерами тягостной казалась окружающая тишина, а высокие, с красивой листвой деревья, что обступили дом, напоминали караульные вышки приполярной зоны. Ему мерещилось, что еще мгнове-

ние — и непрочную тишину сада рассечет рев бензопилы, а затем, подгребая под себя яркие цветы и жимолость, с шумом упадет одно из этих красивых деревьев.

Вот и сейчас Владиславу почудилось, будто за тесными рядами кустов в предвечерних сумерках он видит темные фигуры эзков, которые, о чем-то переговариваясь, неторопливо бредут в сторону дома.

Ворота почему-то оказались распахнутыми. Шли трое. В телогрейках. Входят и сразу начинают валить самое высокое дерево.

Он кричит, чего им надо?

Не слышат, видно, из-за шума пилы. А может, у него голос сел.

Опять кричит. Один подходит и ухмыляется. Виснет на нем крюком. Не то чтоб тяжело или больно, а как-то слишком плотно. Шею обхватил, кулак под подбородком, а сам щетинистой щекой о его лоб трется. Перегаром и гнилыми зубами изо рта несет. Страху еще нет, а вопрос есть: чего их сюда принесло?

— Нормально, — хрипит висящий на нем. — Ни хера тебе не сделается. Сейчас и они подойдут. Все получишь сполна, падла!

Ну вот, стены появились. Дырявые, из досок. А все-таки стены. И огоньки вдалеке замелькали. И опять все как-то сузилось. Барак? Да, похоже, барак. Неимоверной длины... Пошли нары. Люди копошатся. Где-то радио сипит — музыка.

Вдруг открылся высокий зал с колоннами, а там женщина. Голая. И ей лет сорок, фигура аппетитная. Лицо красивое. Но нейтральное. Рядом вывеска — «Властилина»! Он улыбается женщине через силу, обнимает ее, а она как будто не замечает. Может, разглядит наконец, кто он такой? Вот бы! И не собирается... А ведь это он с ней... Ну да ладно.

А зэк всей тяжестью повис и сильно сдавливают рукой шею.

— погоди, — говорит он зэку, — у меня дела в «Хопре», ехать надо.

И вот они уже на каком-то тряпье. Печка горит железная. За деревянным, из кривых досок столом сидят урки, водку хавают из алюминиевых кружек. Картошка на газете.

— Посиди, посиди... — бормочет старый зэк. — Это тебе не Америка. Это тебе не Сан-Франциско.

И продолжает давить.

Вдруг стало страшно. Почему Америка? Узнали, что ли? Им ведь было сказано — Лондон. Такая конспирация была. Только Ангелу академик Нестеренко разрешил сказать. Неужто Ангел? Не может быть.

От печки жар сильный, приятно. Он глядит, на нем только майка — ни пиджака, ни рубашки.

— Люди! Пиджак украли!!!

— Да ладно... — вяло замахали руками зэки и поднялись расходиться. — Пиджа-ак! Где покупал-то? В Париже?

— Братишка, я же замерзну. У меня дела.

Народ разбредается.

— Дела у следователя, — бормочут.

Чего его понесло в этот барак? Надо что-то сделать. Идти надо. Рванулся — и соскочил с него человек, отвалился куда-то, пропал.

Но голому как идти? Схватил что-то с перекладины свисающее — пиджак! Не свой, конечно, а такой рабочий... пиджак-роба, что ли? Грязный, пропаленный... Но куда деваться? Сунул руку в рукав, а из внутреннего кармана пачка денег торчит и пропуск, а на пропуске крупными буквами «МММ». Да, славно поработали. Ну, теперь на самолет и улететь. Сначала в Лондон, потом в Монреаль, а оттуда

в Сан-Франциско. А то абсурд какой-то. Прямо сон. Быть не может.

Сам не помнит, как на улице оказался. Пригород, что ли? Не улица, а тропа под горою. Дома все на горе. Светятся тускло. К большому красивому дому дорожка. Рыжая глина. Пошел, попробовал. Скользко. Что ни шаг, все круче. Как на льду. Сейчас начнет руками хвататься. И начал. Все ладони в холодной рыжей глине и мелких острых осколках. Оглядывается, а внизу уже море и белый корабль в отдалении.

Дополз, до окна дотянулся и грязными ногтями в окно стукнул. И раз, и два, и три.

Мутно выглянул в окно мужик, а потом на крыльцо вышел.

— Вам кого, Владислав Геннадьевич? Путч закончился.

Какой ужас, не может вспомнить, кого ему надо! Янай набычился.

— Мне нужен... мне нужен Нестеренко.

— Слышь! — крикнул Янай в глубину дома. — Нестеренко спрашивают, Егора Сергеевича.

Изнутри захохотали в два голоса — мужской и женский.

— Путч закончился. В Москве Нестеренко, — отозвался мужской голос.

Если в Москве, тогда в каком году? Он сам оттуда давно уехал...

А дом весь такой белый-белый. Но окна черные, опаленные...

— Ну как там, за границей, живут? Ничего? — спрашивает бородатый урка с мощной мускулатурой.

Стоит на пороге, скалится.

— Живут. А откуда вы знаете, что я...

— Ну-у... тиливизирь-то глядим изредка. Там за

бугром небось черных вторников вам устроить не удастся? А, братан? Там такие дела у вас не проходят. Не-а!

И опять будто он в бараке. И там, в полутьме, задвоилось лицо зэка, который шею сжимал.

— А, вот он! — хрипит зэк, пробираясь поближе.

Острое жало страха вонзилось изнутри в солнечное сплетение. Но лучше это жало, чем тот ножик, который зэк вертит кончиками пальцев.

— Приоделся, парчушка! Смотри какой артист, бя... Клифт у меня попер. Ты чего по горе ходил, падла? Нестеренко искал? Щ-ща-ас будет тебе Нестеренко. И Ерланы, и Тибеты, и Чары, и Тверьуниверсалбанки. Шас все тебе припомним. Сука буду!

Зэк шел медленно, пританцовывая вправо и влево, почти не продвигаясь вперед... В руках он держал... Неужели взрывчатка?.. А-а! Взрыв. Осколки, автомобиль... Все смешалось.

Тут на балконе появилась Света. Тянет за рукав. Будто их ждет самолет.

— Владик, проснись!

И он просыпается в шезлонге у бассейна, на своей вилле, неподалеку от океанского побережья Сан-Франциско.

— Владик, проснись, — говорит Светлана. — Про-сни-ись, ми-и-лый! Тебя к телефону! — Светлана тормошила его за плечо. — На, ответь. — Она протянула радиотелефон.

— Слушаю, — сказал Варяг и покосился на жену.

Светлана тут же повернулась и ушла.

— Владислав Геннадьевич, сколько лет, сколько зим. Это некий Юрьев тебя беспокоит. Помнишь меня?

— ...Ну, здравствуй, Сержант!..

— Значит, не забыл?

— Да как тебе сказать. Оно бы с глаз долой — из сердца вон. Не нами сказано, но не всегда получается.

— Вот и я так подумал. Сегодня я тебе уже напоминал о себе. Да, видать, промахнулся. Но зато имею удовольствие поговорить с тобой еще раз.

— А-а-а! Вон оно что! Понял, теперь понял, — протянул Варяг. — Так вот кто, оказывается, сегодня проверял на прочность мой автомобиль. Однако, Сержант, у тебя дурные шутки. Грубые.

— Зато у тебя чутье отменное, Варяг. Я бы даже сказал — волчье чутье. Это надо ж — за пять секунд до взрыва потянуло в кусты. Поздравляю. Сегодня тебя спас мочевого пузыря.

— Спасибо за поздравления. Жаль, что тебя, Сержант, чутье стало последнее время подводить.

— Ты так думаешь?

— Тут и думать нечего. Не я ведь, а ты два года тому уложил наповал собственного брата. Я тебе его из тюрьмы достал, у себя в доме схоронил. Думал, выполнишь мое задание, ухлопаешь Валаччини, возвратишься из Италии в Москву, а тут тебе сюрприз припасен. Чего ж ты родную кровинушку не почувял? А? Думал, это я за занавесочкой стою и дым колечками в форточку пускаю?

В ответ — слегка сбившееся дыхание.

— Стареешь, видать, Сержант!.. Молчишь?.. Ну молчи! Одно тебе скажу — без чутья ведь долго не протянешь. Поверь мне.

— Верить тебе? Ну уж нет! Ты, сука, специально тогда брата подставил? Я этого тебе не прощу вовек! Сегодня ты ушел от меня. Но запомни: завтра я тебя все равно достану. Ты покойник, Варяг! Молись. У тебя осталось немного времени.

— Не прикидывайся народным мстителем, Сер-

жант. Скажи лучше, сколько тебе заплатил Валаччини за мою голову?

— Ты все на деньги меряешь, Варяг. А жаль... Жди меня. Я тебя скоро найду.

— Ну-ну! Жду, Сержант. Только не обижайся, если наша встреча будет для тебя последней. Мне будет жаль, поверь. Таких, как ты, немного. И еще одно, Сержант. Надеюсь, ты настоящий мужик и не станешь распространять свою ненависть на мою жену и сына.

— В этом ты можешь на меня положиться. Даю тебе слово, Варяг. Мне нужна только твоя жизнь.

— Тогда до встречи.

Варяг отложил в сторону телефон и задумался.

— Владик, ужинать будешь? — прервала его раздумья Светлана.

— Нет. Выпью молока. Принеси, пожалуйста, наверх. Пойду лягу, устал. Последнее время много работы.

— Владик, тебя что-то беспокоит? Я это вижу.

— С чего ты взяла? Пустяки, — ушел он от прямого ответа. — Я газету отложил, ты не выбросила?

— Наверху, на тумбочке. Сам просил отнести туда.

Глава 4

Варяг поднялся к себе на второй этаж. Взял в руки пульт охранной сигнализации. Все индикаторы показывали норму — значит, все в порядке. Охрана также была на месте. Варяг прилег на кровать и попытался читать газету. Было тревожно. В голове роились мысли. Какие-то беглые, ускользающие обрывки, полная сумятица. Что ж, сон в руку. Но что дальше? Главное — угадать момент, точно выйти на

цель и не терять времени. С Сержантом срочно нужно что-то предпринимать. Ясно, будет кружить вокруг офиса, а скорее всего у дома. Охрана его вычислит.

Варяг поднялся, подошел к секретеру. Достал бутылку виски. Если бы кельты только и сделали, что изобрели виски, подумал он, их вклад в цивилизацию и так уже был бы достаточно велик. Он наполнил бокал с толстым дном ровно наполовину. Выпил одним махом и снова лег.

Сержант не шел из головы.

Это ж надо, сумел отыскать его, хотя никто, даже бывшие друзья, оставшиеся в России, сейчас и представить не могут, что он, Варяг, здесь, за тридевять земель. И в самом деле — конспирация, сопровождавшая его отъезд сюда, была предельной. Невольной «жертвой» ее стала Светлана, но так было нужно, слишком велик был риск.

Перед отлетом из России Владислав «по секрету», когда они остались вдвоем, сказал Светлане, что в Лондоне для них заказаны два билета в Монреаль. Он говорил ей, что обожает Канаду. Но не сказал тогда всей правды. О том, что из Монреаля они тут же отправятся в Сан-Франциско, промолчал.

В Монреале Светлана, ошалевшая от смены часовых поясов и пересадок, узнав, что теперь нужно лететь в США, спросила:

— А из Сан-Франциско — куда? В Шанхай?

— Светик, успокойся, — обезоруживающе улыбнулся Варяг.

— А из Шанхая — куда? — не унималась Светлана. — В Воронеж? У-у-у! Обманщик.

Варяг не случайно решил приобрести дом вблизи Сан-Франциско, уютно расположенный на побережье. Лучшие годы жизни он провел в перепол-

ненных камерах деревянных барачков, где целыми днями зэкам приходилось смотреть на стену с прожарившей колючей проволокой. Теперь хотелось простора. Большой сад его нового жилища напоминал бухту, где он мог не только переждать надвигающийся шторм, но и набраться сил. Раньше, придя домой, Варяг по-настоящему расслаблялся, гуляя по выложенным камнями дорожкам.

Но вот уже который день его не могли успокоить ни благоухание цветущего сада, ни прохлада бассейна, ни домашний уют, созданный руками Светланы. А тишина и вовсе действовала на него раздражающе. Света ощущала неожиданную перемену в любимом, робко подходила к нему, ласково обнимала, но он всякий раз мягко освобождался от ее объятий.

Варяг чувствовал угрозу.

Опасностью наполнилось все окружающее пространство, казалось, воздух наэлектризован до такой степени, что даже среди ясного неба можно было ожидать сверкания молний. И тогда Света, не выдержав гнетущего напряжения, спросила напрямик:

— Владик, что с тобой происходит? Последнее время ты какой-то... отчужденный.

Варяг долго молчал, глядя в окно.

— Не знаю... Это у меня бывает. Наваждение какое-то. Все будто бы хорошо. Но все-таки что-то не вяжется.

Чувство опасности у Владислава Геннадьевича было развито неимоверно. Оно было сродни инстинкту животного, уловившего в воздухе едва различимый незнакомый запах. Еще в России Варяга трижды пытались убить, но всякий раз, предупреждая фатальный исход, он успевал опередить убийцу.

Вот и сегодня он вышел из машины буквально за секунду до того, как ее разорвало на части.

Эту черту характера он выработал за долгие го-

ды, проведенные в заключении, когда приходилось быть каждую минуту предельно осторожным. Любое опрометчивое слово, любой неверный жест в камере могли обернуться жестокой расправой, а то и резней.

Мир, в котором ему довелось прожить почти половину своей жизни, оказался очень сложным. А вор такого масштаба, каким являлся Варяг, должен обладать особым чутьем на людей. И на опасность.

Конечно, несколько последних лет сильно отличались от тех, которые он провел в лагерях. Но и в этих условиях Варягу постоянно приходилось быть начеку. Мир вокруг менялся сокрушительно быстро. Менялась и жизнь законных. Держать ситуацию под контролем становилось все сложнее и сложнее. Законники не сидели на одном месте, как это было раньше. Сейчас, в окружении многочисленной свиты, они с удовольствием раскатывали не только по своим владениям, с которых снимали дань, но охотно навевались и к соседям, где подобные встречи напоминали официальные визиты. На этих светских раутах перемалывались косточки смотрящим, создавались новые союзы и даже кроились границы контролируемых ими суверенных территорий. Неугодному положенцу после состоявшегося обмена мнений чаще всего в качестве неприятного сюрприза подкладывали под водительское кресло взрывное устройство, способное разрешить не только любой спорный вопрос, но и избавить от возможного конкурента.

Мир становился все более тесным. Новые российские законники теперь так же легко разъезжали по всему свету, как некогда при «совке» это делала лишь партийная номенклатура. Западная публика удивлялась невиданному доселе размаху русской души. Вдруг выяснилось, что «новые русские» не уме-

ют мыться в бане в отдельных номерах — тесно им там, а потому снимают всю баню целиком. Ужиная или обедая в ресторане, «новые русские» не ограничиваются отдельным столиком, а склонны заказывать сразу весь зал или даже ресторан. Когда русские ребята появляются в каком-либо публичном доме, все девушки знают: грядет потрясающий заработок, и оказывают «новым русским» самый радушный прием.

Живя за границей, Варяг часто был свидетелем того, как иной законный, хлопая швейцара по плечу, давал «на чай» стодолларовую купюру. Обалдевший от такой щедрости швейцар не мог знать о том, что давать на «гостинец» деньги меньшего достоинства среди братвы так же неуместно, как раскатывать по родной столице на стареньком «жигуленке».

Варягу нередко приходилось наблюдать за гуляющими в американском городе русскими законниками. Он ловил себя на том, что испытывает ностальгическую грусть по ушедшим временам. А отдыхающая братва вряд ли могла признать в нем, проходящем мимо элегантном незнакомце, живую легенду воровского мира.

Хотя однажды Варягу все же показалось, что на одной из оживленных улиц Сан-Франциско он выхватил в людской массе чей-то очень знакомый, умный, настороженный взгляд. Поток машин помешал тогда Варягу рассмотреть человека. Но это послужило для него первым сигналом.

В комнату вошла Светлана с подносом и прервала размышления Владислава:

— Владик, вот твоё молоко и бисквит с цукатами, — сказала она с улыбкой, ставя поднос на низенький столик у окна.

Варяг встал с кровати, подошел к столику и опустился в кресло.

— Мне совсем не хочется есть, нет аппетита.

Светлана внимательно посмотрела на мужа.

— Все же, что с тобой происходит? Ты опять сегодня стонал во сне... У тебя неприятности? Может, ты нездоров? Я должна знать. В конце концов, я медицинский работник и вижу: ты чем-то сильно обеспокоен и угнетен...

— Не стоит задавать лишних вопросов. Лучше иди ко мне, медицинский работник, я скажу тебе на ушко, что меня тревожит.

— Владик, я серьезно!

— Я тоже. Сынишка спит?

— Да, спит. И все же, скажи мне, что с тобой?

— Что со мной? Просто на сердце у меня одна длинноногая блондинка, и я хочу ее. Хочу ее. Сейчас.

— Как ты можешь, Владик? Я волнуюсь, а ты...

— Медицинский работник Игнатова, ваши препирательства непременно скажутся на моем здоровье, и вы об этом пожалеете!

— Да ну тебя! — засмеялась Светлана, игриво распахивая пеньюар и обнажая красивую грудь и изящный животик. — Я, конечно, слабая женщина, и мне хочется верить, что у тебя все в порядке.

Не отрывая влюбленного взгляда от Владислава, она медленно сняла трусики, сбросила на пол пеньюар и замерла, обнаженная. А он смотрел на ее стройное тело и думал о том, что никогда не покажется женщине скучным и унылым тот, кто хоть что-нибудь делает ради нее — будь это даже самая простенькая комедия. Стой на голове, болтай всякую чепуху, хвастай, как павлин, будь последним дураком или пошляком, но избегай одного — не будь деловит! Не будь рассудочен, тем более в эти минуты.

Светлана подошла к сидящему в кресле Владиславу. Привстав, он стащил с себя халат. Она села к нему на колени, положила ладони на плечи, а ногами обвила его за талию. Поерзав на сиденье, он слегка сполз, а она потерлась ягодицами о густую поросль вокруг его члена. Он стал ласкать ее, обхватил ладонями упругую грудь. Она наклонялась к нему, подставляя его губам набухшие от возбуждения соски, вздрагивала от прикосновения, снова поднималась. Ее пальцы нежно ласкали головку напряженного члена. Потом она погрузила его к себе внутрь, вздрогнув от наслаждения.

Через мгновение их тела совершали плавные волнообразные движения.

— Ты потрясающая, — шептал он, выходя и входя в нее. — Ты чудо!

— Любимый мой! Любимый мой! — повторяла она громким шепотом.

Закусив от удовольствия губку, запрокинув голову, то поднимаясь, то опускаясь над Владиславом, прогибаясь всем телом, Светлана постанывала, всхлипывала, а потом, забывшись, кричала:

— Милый, милый, милый! Сильнее, сильнее! Ну же!..

Ритмические сокращения ее оргазма подвели к пику и его. Он яростно вбивал в нее всего себя. Светлана застонала, содрогнулась, замерла и вдруг расслабилась.

Расслабился и он. И стало спокойно. Мир преобразился. Из раскрытого окна доносились ночные приглушенные звуки. Резко пахло цветами.

Светлана медленно наклонилась к любимому. Долго целовала его губы, шею, грудь. Он обнимал ее сильными руками, целовал, гладил нежную кожу. Потом поднял ее на руки и отнес на кровать.

Они уснули в объятиях друг друга.

Глава 5

Длинный телефонный звонок разорвал ночную тишину и непрошеным гостем ворвался в уютную спальню.

Вот оно! — сквозь сон с тревогой подумал Владислав. Поднял трубку и, стараясь не разбудить Светлану, хриплым голосом тихо произнес:

— Хэлло!

Его плохо скрываемое раздражение эхом отозвалось на другом конце телефонного провода.

— А ты, Варяг, не больно-то ласков. Видать, западный харч тебе не впрок.

— Кто это?!

— Значит, не признал меня? Забыл? А жаль! Я вот тебя частенько вспоминал...

— Что за игра в прятки? Кто это?!

— А такое погоняло, как Артист, тебе ничего не говорит?

— Артист?! — не сумел сдержаться изумления Варяг. — Неужели ты здесь?

— А где же мне еще быть? Или ты меня рассчитывал встретить на том свете?

С Артистом Варяг был знаком по малолетке. Задорный, никогда не унывающий, он умел легко очаровывать собеседника, чем не однажды пользовался, когда занимался квартирными кражами. В колонию, где сидел Варяг, он попал после очередного побега, и лагерное начальство, желая наказать строптивного воспитанника, перевело его из «сучьей» зоны в воровскую. Именно этого Артист и добивался, и воровская зона, где сидели его подельники, встретила беглеца как героя.

Артист и вправду был необычный вор. Привле-

кательный внешне, с мягкими аристократичными чертами лица, с телом, как у античных богов, он был неотразим, а обворожительная улыбка и вкрадчивые манеры действовали сильнейшим гипнозом на его многочисленных подруг. Даже фамилию и имя он имел необыкновенные — Модест Разумовский. Артист неоднократно хвастал тем, что был назван в честь своего прадеда, который будто бы держал в Москве гостиницу «Славянский базар». Он с гордостью утверждал, что в его жилах течет не только благородная кровь польских шляхтичей, но также отъявленного мошенника времен нэпа Котьки Лазаря, сумевшего продать здание губчека заезжему американскому банкиру.

Погоняло Артиста к Модесту пристало еще с «сучьей» зоны, когда однажды перед отбоем он пропел монолог Мефистофеля «Люди гибнут за металл», удивив своими вокальными данными не только лагерное начальство, но и собственных приятелей.

— Это у нас наследственное, — скромничал Модест. — Мой прадед, потомственный столбовой дворянин Модест Игнатьевич Разумовский, покровительствовал молоденьким хористкам в императорских театрах, а какой он был ухажер, об этом знали семь ведущих балерин, от которых он имел десять наследников.

Потомившись полгода в колонии, Артист был переведен в воры и занял на малолетке едва ли не самую верхнюю ступень в уголовной иерархии зоны. С воли через него шел грев, который справедливо делился между остальными ворами. Но скоро он ушел «в бега» и этим разочаровал не только «кума», успевшего привязаться к Артисту — как сердобольный папаша к нерадивому ребенку, — но удивил и собственных друзей. Впрочем, Модест любил преподносить сюрпризы и делал это с изыском рев-

нителя искусства. А изловили его не где-нибудь в глухой «малине» в окружении изящных длинноногих фей, не в ресторане, где он, напившись, мог разодраться с оравой беспредельщиков, а в городской библиотеке, где Модест терпеливо в уюте читального зала «вкручивал мозги» молоденькой первокурснице, рассказывая ей о суровых буднях российской колонии.

Побег из зоны — это всегда событие. А если исчезал такой вор, как Артист, то оно знаменательно вдвойне. Об удачном побеге мгновенно узнает вся тюремная братия, и даже через много лет об этом вспоминают как об исключительном происшествии, обрастающем многими невероятными подробностями. А это значило, что родилась еще одна легенда.

Однако случалось и другое. Лагерное начальство, обозленное на беглеца, делало все, чтобы натравить на него воспитанников — запрещало передачу посылок, лишало свиданий. В таких случаях бывало, что вчерашний герой не только подвергался жестоким побоям, но частенько разделял судьбу самой обиженной касты заключенных.

От беспредела Артиста спасло вмешательство Варяга — к тому времени он уже был авторитетным вором в колонии. И когда к нему явилась делегация воспитанников, чтобы он позволил разобраться с Модестом, Варяг спокойно выслушал крикунов, а потом твердо заявил, что не допустит в «воровских» зонах «сучьих» порядков. А если нечто подобное повторится, то в дальнейшем судьбу беспредельщиков будет решать суд «пацанов».

Артист «уходил в бега» еще четыре раза, и это только прибавляло ему веселости — порой казалось, что он не перестанет улыбаться даже в том случае, если обнаружит во лбу дырку от расплавленного свинца.